

ДРЕВНЕЙШИЙ РУССКИЙ ПРОЛОГ И УЧАСТИЕ НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА АНТОНИЯ В ЕГО СОЗДАНИИ¹

В конце XII — начале XIII в. Добрыня Ядрейкович, будущий архиепископ Антоний (1211—1220, 1225—1228) посетил Царьград. Позднее по воспоминаниям он написал Книгу Паломник, содержание которой определено ее вторым названием: «Сказание мест святых во Царьграде», и раскрыто в послесловии, где говорится о назначении книги для чтения о святых, «на уведение и на память, и на молитву благоверным человеком...».

Путешествуя по византийской столице, Добрыня обращался к вещам, воплощавшим коренные ценности христианского общества, и среди них важнейшими были реликвии святых. Почитание их велось с первых веков существования Церкви и, начиная с Откровения Иоанна Богослова (Апок. 6: 9—11), было засвидетельствовано в писаниях Ефрема Сирина, Кирилла Иерусалимского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина². Пребывая на земле нетленными, свидетельствуя о божественном присутствии, почитаемые реликвии убеждали верующих в особом ходатайстве за них прославленных святых, а в условиях феодального общества вопрос о мощах сводился к вопросу о престиже княжества или города³.

В своих исканиях Добрыня преследовал ту же цель создания христианской сокровищницы как свидетельства важнейшей роли новгородской церкви в утверждении православия на Русской земле. Мыслящий и любознательный человек, Добрыня посещал константинопольские храмы и монастыри, вспоминая, сравнивая с тем, что он видел в Новгороде. Тенденция такого сопоставления отражена в его выборочном интересе к святыням. Многие из царьградских реликвий он, по его собственному выражению, «не писал», но, обращаясь к упомянутым в Книге именам, можно отметить, что большая часть их относится к избранному ряду почитаемых в Новгороде святых, среди которых особое место занимают целители. Среди множества святых Антоний называет и тех, память которых отражена в посвящениях новгородских храмов, в иконах, фресках и миниатюрах рукописей.

Установилось мнение, основанное на списке Книги, принадлежавшем П. И. Савваитову (РНБ. Q. IV. 412. Л. 1—13 об.), что Добрыня привез в Новгород частицу мощей св. Власия⁴. Между тем в более раннем списке А. И. Яцимирского (РГБ. Муз. 10261) сказано: «А во Калуюнове монастыре лежат мощи святого Власия, глава, и у мене мощи святого Власия и иных святых, Бог ведает (курсив мой. — Э. Г.)»⁵. Следовательно, Добрыня привез в Новгород мощи не только епископа Севастийского, но и многих других, что подтверждается и рассказом о Студийском монастыре, где паломник обращает внимание на «единый гроб» Феодора Студита и брата его Иосифа, епископа Солунского. По словам Добрыни, «свитку» святого Феодора возлагают «на гроб его, на праздник его»⁶. Из списка

¹ Благодарю о. Александра (Панкратова) и о. Александра (Мусина) за консультации, помощь в настоящей работе.

² Барсов Н. И. Мощи // Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. III. С. 183.

³ Прокофьев Н. И. Русские хождения XII—XV вв. // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. М., 1970. № 363. С. 79. См. также: Лопарев Хр. М. Книга Паломник: Сказание мест святых в Царьграде Антония, архиепископа Новгородского // Православный палестинский сборник. СПб., 1899. Т. XVII. Вып. 3 (51). Приложение. С. 25. Примеч. 11.

⁴ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. СПб., 1872. Стб. 122. Примеч. 139. Комментируя этот отрывок, П. Савваитов полагал, что речь идет о монастыре, основанном императором Иоанном II (Калоиоанном) Комнином (1118—1143); Лопарев Хр. М. Сказание мест святых в Царьграде Антония, архиепископа Новгородского. СПб., 1899. Вып. 3 (51). С. XCV.

⁵ Яцимирский А. И. Новые данные о Хождении архиепископа Антония в Царьград // ИОРЯС. СПб., 1899. Т. 4. Кн. 1. С. 243.

⁶ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 112—113. Примеч. 114—115.

А. И. Яцимирского и Л. Н. Майкова (РНБ. Q. XVII. 184. Л. 55 об.—70 об, 78 об.—84. XVII в.) узнаем, что кусочек этой ризы он взял с собой («и у мене ризы тоя есть»)⁷.

В Студийском монастыре, где был храм Иоанна Предтечи, Добрыня видел икону пророка, в которой были заключены («замчены царскою печатю») его реликвии. В монастыре хранилась главная святыня Иоанна — глава, «и перси, и перст и зуб»⁸. Непонятно, почему Хр. М. Лопарев считал, что Добрыня не посетил этот монастырь⁹. Подробное описание студийских святынь свидетельствует о его пребывании там, и, более того, он не мог обойти обитель, где был создан Устав, служивший основным руководством в новгородском богослужении вплоть до XV в., и продолжал действовать даже после принятия Афоно-Иерусалимского устава. Вероятно, по той же причине Добрыня скрупулезно перечислил все имевшиеся в Царьграде святыни Иоанна Предтечи. Не случайно он упоминает и Николая Нового (Исповедника † 868), ученика Феодора Студита¹⁰.

Добрыня Ядрейкович не мог не поклониться своему покровителю Антонию Великому¹¹, в честь которого вскоре по возвращении в Новгород поставил церковь на Владычном дворе¹². Посетил он и дом исповедника Павла¹³, память которого, 6 ноября, совпадала с памятью Варлаама Хутынского. В воспоминание о гибели 4 декабря 1193 г. на Югре его отца Ядрея поклонился останкам мученицы Варвары¹⁴. В связи с этим событием могла быть названа и находившаяся на Испигасе, «в конце русского убола», церковь Сорока севастиийских мучеников¹⁵. Мучение их в замерзающем озере напоминало о новгородцах, погибших в зимнем югорском походе¹⁶.

Всего в Книге Паломник названо более 134 святых.

Искания Добрыни, обусловленные необходимостью создания книги о святых, объясняют его интерес к Прологу, чтение которого в Софии Константинопольской начиналось после утрени и продолжалось до обедни¹⁷. Этим порядком, впервые замеченным новгородским паломником, объясняется название книги, чтения из которой служили вступлением к литургии. До недавнего времени было принято мнение архимандрита Сергия, предполагавшего, что слово проλόγος было ошибочно принято переводчиком за название книги¹⁸. Но, как отметили С. А. Давыдова и Т. В. Черторицкая, еще Е. Е. Голубинский и М. С. Скабаланович находили, что название книги отвечало ее назначению как вступительного чтения перед богослужением¹⁹. По мнению русских славистов, в Студийском уставе была принята подобная практика, известная и на Руси²⁰.

⁷ Яцимирский А. И. Новые данные о Хождении архиепископа Антония в Царьград. С. 243; Майков Л. Н. Материалы и исследования по старинной русской литературе. I. Беседа о святынях и других достопамятностях Царьграда // СОРЯС. 1890. Т. 51. № 4. С. 3—11.

⁸ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 112—114.

⁹ Лопарев Хр. М. Книга Паломник. С. XXXII—XXXIII.

¹⁰ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 115.

¹¹ Там же. Стб. 146—147.

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 52, 250.

¹³ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 153.

¹⁴ Там же. Стб. 158.

¹⁵ Там же. Стб. 154—155.

¹⁶ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 27. Примеч. 73.

¹⁷ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 94.

¹⁸ Сергий, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. I. 5—6.

¹⁹ Давыдова С. А., Черторицкая Т. В. К истории синаксаря // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 156—157, 159.

²⁰ О русском Прологе см.: Сергий, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. М., 1875. Т. I. С. 114—116, 252; Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках: Житие Андрея Юродивого // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1879. Т. 34. Приложение. 1879; Шляпкин И. А. Русское поучение XI века в перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам (с факсимиле рукописи XIII—XIV века). СПб., 1881. С. 11—12;

Между тем, согласно Уставам XII в. из Софийского собора и Благовещенской церкви, на утрени совершалось «псалтырное пение» с песненными последованиями по Октоиху, Триоди, Стихирарю и Патерику²¹. Принадлежавшие Софийскому собору, Аркажскому монастырю, созданные в скриптории Лазарева монастыря, в большинстве своем нотированные Минеи XI—XII в.²², скорее всего, использовались как для пения канонов, так и для чтения гомилий и житий. После утрени до половины дня наступало свободное время («порозднь часом и делом»)²³. Отсюда следует, что в Новгороде не было периода самостоятельного чтения Пролога. Видимо, именно это предшествующее литургии чтение из Устава Великой церкви²⁴ подсказало будущему владыке Антонию необходимость введения подобного порядка и в новгородском Софийском соборе²⁵.

Время возникновения русского Пролога остается невыясненным. Архимандрит Сергей, В. А. Мошин, И. А. Шляпкин, М. Н. Сперанский находили его следы в русской письменности XII в.²⁶ Упоминание о русском Прологе имеется в Описании книг Пантелеймонова монастыря на Афоне 1142 г.²⁷ Существовал погибший в пожаре Пролог 1227 г.²⁸ Но к настоящему времени древнейшей рукописью остается Софийский Пролог (РНБ. Соф. 1324. Конец XII — начало XIII в. Л. 1—160; XIII в. Л. 161—234, 242—317; XV—XVI в. Л. 235—241)²⁹.

С. А. Давыдова, опираясь на исследования Н. Delehaue византийских Синаксарей IX—XI в.³⁰, полагает, что Софийский Пролог не может быть отождествлен «с какой-либо из выделенных Н. Delehaue разновидностей константинопольских Синаксарей, но он может быть включен в их число»³¹. Как отличительную особенность некоторых подобных Софийскому Прологу Синаксарей исследователь указывает «на некоторые дни полных тропарей, как правило, празднику или первому из указанных святых данного дня», нередко сопровождаемых указанием, «в каком из константинопольских храмов или евктириев следует чествовать память святого или праздник, а также приводятся сведения исторического или топографического характера». Главной же особенностью Софийского Пролога С. А. Давыдова считает «сообщения о событиях, происходивших в разное время в Константинополе,

---

Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древней русской письменности. I—III: К истории древнерусского Пролога // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. 1893. Т. I; *Сперанский М. Н.* Из истории взаимоотношений русской и славянской литератур: Русские памятники письменности на юге славянства // ИОРЯС. 1921. Т. 26. С. 143—206.

²¹ *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 233—368.

²² Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. № 7—9, 39—43, 63, 76, 78, 80—94, 126, 155, 159, 176, 207, 211.

²³ *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. С. 233—368.

²⁴ Благодарю А. Е. Мусина, обратившего мое внимание на это принятое в Уставе Великой церкви правило.

²⁵ Вопрос о принятии чтения Пролога после утрени в Русской церкви требует дальнейшего изучения. А. Е. Мусин полагает, что этот порядок не прижился как не соответствующий Студийскому уставу. Между тем в Уставах Софийского собора и Благовещенской церкви присутствуют другие включения из правил Великой церкви: *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. С. 250 (О божественном умовении на Великий четверг), 254, 255 (на службе в Святую и Великую субботу). О существовании проложного чтения перед литургией свидетельствуют также написанные в скрипториях архиепископов Моисея и Алексея Прологи, образцом для которых во многом послужил Софийский Пролог. О. Александр (Панкратов) полагает также, что чтение Пролога перед литургией, в то время, когда священник совершает так называемое «входное» и начинает проскомидию, сохранилась до настоящего времени в некоторых приходах старообрядцев, приемлющих священство.

²⁶ *Сергий, архиепископ.* Полный месяцеслов Востока. Т. I. С. 216—289; *Шляпкин И. А.* Русское поучение XI века в перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам (с факсимиле рукописи XIII—XIV века); *Сперанский М. Н.* Из истории взаимоотношений русской и славянской литератур: Русские памятники письменности на юге славянства. С. 182—183; *Mosin V.* Slavenska redakcija Prologa Konstantina Mosikijskog u svjetlosti visantijsko-salavenskih odnosa XII—XIII v. // Zbornik Historijskoga Instituta Jugoslavenskih Akademije. Zagreb, 1959. Vol. 38. S. 17—68.

²⁷ *Сперанский М. Н.* Из истории взаимоотношений русской и славянской литератур. С. 183; *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. // Byzantinoslavica. XI/1. Prague, 1950. С. 32.

²⁸ Каталог славяно-русским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе // ЧОИДР. 1862. Кн. 2. С. 54. № 122.

²⁹ Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. № 162.

³⁰ *Delehaue H.* Synaxaires byzantins, menologies, typica / Ed. F. Halkin. London, 1977.

³¹ *Давыдова С. А.* Древнерусский Пролог и византийский Синаксарь // Origins and Outcomes Byzantine Heritage in Russ: For Professor Igor Medvedev the Correspondent Member of the RAS on His 70th Birthday. S.-Petersburg, 2005. Vol. III. С. 179.

и упоминания о константинопольских святынях». «Сопоставление с греческим текстом, — продолжает С. А. Давыдова, — показывает, что перевод сделан точно, но отдельные топографические наименования были, скорее всего, непонятны славянскому переводчику». Вместе с тем в Софийской рукописи имеются дополнения, отсутствующие в константинопольских Синаксарях. «Так, в день памяти освящения храма Пресвятой Богородицы в Халкопратии (18 декабря) Софийский Пролог указывает, что храм находится близ «святыя Великия церкви...»³² Под 26 декабря... помимо сведений о соборе... Богородицы во Влахерне, рядом с которым находится рака в виде пристроенной ротонды, указано, что в ней хранится святая риза³³. Сообщается также о перемещении святых мощей и положении их в определенном храме, что сопровождалось «богослужбными собраниями и литиями»³⁴.

Эти любопытные наблюдения вызывают вопрос: кто из русских книжников конца XII — начала XIII в. мог быть составителем Софийского Пролога? На эту роль могут претендовать несколько человек. Один из них — современник Добрыни Олисей Гречин. Как предполагает А. А. Гиппиус, в юности вместе со своими родственниками он провел несколько лет в палестинском Аскалоне, был образован, знал греческий язык³⁵. Возвратившись на родину, Олисей Гречин занимал видное место в новгородском обществе, писал иконы и фрески и, возможно, будучи попом с именем Савва, в 1226 г. создал для церкви Константина и Елены нотированный Стихирарь³⁶. Свидетельство о написании Пролога неким «мужем» содержится в выходной записи Пантелеймонова Евангелия рубежа XII—XIII в. (РНБ. Соф. 1). Вторая, нравоучительная часть Софийского Пролога, по определению А. А. Гиппиуса, была написана пономарем Тимофеем в период архиепископов Спиридона (1229—1249) и Далмата (1250—1274)³⁷, что также не исключает его участия в составлении первой части рукописи. В 1262 г. он написал Лобковский Пролог³⁸, и, следовательно, подобная работа была для него привычна.

Но если личность «некоего мужа» гипотетична, то двое других могли входить в «творческий» коллектив создателей нового Пролога. И все же вдохновителем и, скорее всего, руководителем этого труда был архиепископ Антоний. Путешествие в Царьград, где, проявляя живой интерес к службе, он провел не один год, высокое должностное положение в Новгороде обязывали его стать во главе мероприятия, вносящего существенные изменения в привычный порядок богослужения. По инициативе владыки в месяцеслов вносились новые памяти и устанавливался неизвестный прежде период чтения Пролога. Участие владыки ощутимо даже в отмеченных С. А. Давыдовой искажениях греческих имен и топонимов в Прологе, «отзывающихся» в искажениях греческих имен и названий в Книге Паломник (Корлей о софос — Κύρ Λέων ο σοφός, император Лев VI (886—911), святая Богородица Вергетри — τῆς ὑπεραγίου Θεοτόκου τῆς Εὐεργέτιδος, монастырь Пресвятой Богородицы Евергетисы, Кирсак — Κύρ Ἰσαάκιος, император Исаак II Ангел (1185—1195), киролесу — Κύριε ἐλέησον, Господи помилуй, и др.).

В лексике Софийского Пролога очевидны признаки южнославянского с примесью новгородского наречия, употреблены южные наименования месяцев: октябрь — листопад, ноябрь — грудень, декабрь — студень, январь — просинец. Автор Пролога вместо «звонить в колокол» пишет: «клепать, бить в било по двоиче, по трищда». Кроме того, по мнению И. К. Куприянова, несмотря на ссылки на Студийский

³² РНБ. Соф. 1324. Л. 94—94 об.

³³ Там же. Л. 104 об.

³⁴ Давыдова С. А. Древнерусский Пролог и византийский Синаксарь. С. 174—178.

³⁵ Гиппиус А. А. К биографии Олисея Гречина // Церковь Спаса на Нередице: От Византии к Руси: К 800-летию памятника. М., 2005. С. 99—114.

³⁶ Yanin V. L. The Archeological Study of Novgorod: Historical Perspective // The Archeology of Novgorod, Russia: Recent from the Town and its Hinterland. Lincoln, 1992. P. 67—106; РНБ. Соф. 85: Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. № 316.

³⁷ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 8—11.

³⁸ Сводный каталог славяно-русских книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. № 177; Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 8.

устав, содержание некоторых статей и заметки писца свидетельствуют о знании и следовании правилам устава Великой церкви³⁹. Но из русских путешественников только Антоний застал и описал Великую церковь (Nea). В отличие от «некоего мужа», написавшего Пролог, икону Богородицы и «учинившего» колокол, Антоний придерживался старого новгородского обычая клепать в било и считал, что «в колокола латыни звонят»⁴⁰. Эти данные укрепляют предположение о ведущей роли в создании Пролога архиепископа Антония, знакомого как с южнославянской речью, так и с особенностями константинопольского богослужения.

Подтверждением активного участия владыки в этом труде служат и памяти святых, включенные в Софийский Пролог, но неизвестные в месяцесловах новгородских Евангелий, Минеи и Стихирарей XI–XII в. Наиболее выразительными примерами взаимозависимости Книги и Пролога являются имена Зотика Сиропитателя (30–31 декабря) и живописца Лазаря (17 ноября).

Имя Зотика впервые встречается в Книге Паломник, где Антоний подробно повествует о предсмертных мучениях святого и его целительной деятельности. Тело Зотика, рассказывает он, лежит в созданных им «трудолатицах» — больницах (странноприимницах), за Испигасом, на горе. «Тому бо Зотику, — продолжает он, — повелел царь полаты здати; и он же, взем злато и раздав нищим; царь же повеле его привязати ко хвостом двема конема, да его разторгнуть; они же влекоша его по полю и стаха в лесе на едином месте; и ту и положен бысть святыи, и церковь учиниша; ту же и храмины поставиша недужным, и дают милостыню христиане»⁴¹.

По свидетельству архимандрита Сергия, память Зотика известна в греческих и южнославянских месяцесловах XI–XII в.⁴² В Софийском Прологе Зотику Орфонотрофу (Сиропитателю), пришедшему «от старого Рима, добро воспитанием и благородну и великородителю», отведено лишь несколько строк. В следующих Прологах, и в частности в Лобковском⁴³, его имя отсутствует (что скорее служит свидетельством о неучастии пономаря Тимофея в создании месящесловной части Софийского Пролога) и вновь появляется в Прологе 1356 г., написанном велением архиепископа Моисея для Ковалевского монастыря⁴⁴. Постепенно память Зотика утверждается в новгородских месяцесловах. В хутынской пергаменной Минее 60-х годов XV в. из канона Зотику приведен ирмос 5-й песни: «Прокажение свящленно исцеляя, отче, здвигль еси врачебницу, свой дом честной. В нем же достойно всяк недуг уврачуется [...] еже в тебе являвшееся таинство. Богородице Присно Дево, се бо воистину землени к Богу усмирихомся. Храм бо боголепен свои створил еси, храм преславне. В нем же всяк недуг молитвами твоими отгоняется. Странопрителем на земли Аврааму подобаяся, поставил еси благочестно безкровныя приемля, нагия и мимоходящия, и хромы и странныя и нищия вводя»⁴⁵. В Минее из Гостинопольского монастыря, около 1475 г., содержится служба Зотика на павечернице⁴⁶, где святому посвящены такие слова: «Вдовицам и нищим тя Христос показа приемника, расслабленным заступника, тепла, предстателя в бедах, поборника и избавителя восхваляющим тя, отче наш»⁴⁷.

³⁹ Курпьянов И. Обзорение пергаментных рукописей новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857. С. 43–44, 45.

⁴⁰ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 94.

⁴¹ Там же. Стб. 173–174.

⁴² Сергий, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Т. I. С. 356, 596; 1876. Т. II. С. 340.

⁴³ Благодарю А. А. Гиппиуса за эту информацию.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 381. 3 163.

⁴⁵ РНБ. Соф. 194. Л. 398–402; Шварц Е. М. Новгородские рукописи XV века: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1989. С. 23–25, 68.

⁴⁶ О. Александр (Панкратов) замечает, что и в дониконовских старопечатных Минеях служба св. Зотику — также на павечернице, т. е. традиция сохранялась.

⁴⁷ РНБ. Соф. 280. Л. 465 об.—485, особ. Л. 472. Шварц Е. М. Новгородские рукописи XV века: Кодикологическое исследование рукописей Софийско-новгородского собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С. 30–37, 57, 64, 92.

В дальнейшем, вплоть до последнего времени празднование Зотика Сиропитателя в русских месяцесловах постоянно отмечается 30 (31) декабря⁴⁸.

Внимание Добрыни к Зотику не случайно. Святой подвизался на поприще, составлявшем основу целительной деятельности Варлаама Хутынского и его последователей. По существу Хутынский монастырь, духовный дом Добрыни, откуда он начал свой святительский путь, был древнейшей новгородской лечебницей. Здесь, в соответствии с практикой Студийского устава, с самого основания были устроены больничные палаты, «трудоващицы», такие, что прежде создавали Зотик в Царьграде и преподобный Феодосий в Киево-Печерском монастыре⁴⁹. В Хутынскую обитель в течение многих столетий приходили страждущие за исцелением и помощью, о чем свидетельствует Житие Варлаама от второй и до последних его редакций.

Одно из немногих прижизненных чудес преподобного произошло зимой, когда некий человек привез в обитель умершего по дороге сына. Отрок воскрес, и, как решил отец, молитвой святого. Но, «не любя славы», Варлаам сказал тогда: сын твой не умер и не ожил, но «изнемог на студеном пути и дух в нем потаився, а тебе мнится, что умер» и добавил назидательно: «преж бо общаго воскресения не мощно никому воскреснути»⁵⁰. Преподобный здесь не столько творец чуда, сколько целитель, делящийся с верующими душевной и духовной щедростью.

Чудо с ожившим мальчиком — первый случай прижизненного врачевания Варлаама. Посмертно он совершил множество подобных деяний. В Распространенной и Особой редакциях исцеления слепых, немых, расслабленных, «окормленных зельем», страдающих внутренними болезнями следуют одно за другим, представляя неослабевающую деятельность монастырской лечебницы, находившейся под духовным покровительством Варлаама.

Исходная причастность к монастырю, вероятно, стала причиной внимания Добрыни к святым целителям в Царьграде. Начав с Пантелеймона, он не забыл Ермолая, дважды отметил Кира и Иоанна⁵¹. Посетил церковь Космы и Дамиана близ моста на Ворвесе (Космодион), построенную императором Феодосием (408—450) и украшенную императором Юстинианом⁵². Найденные Добрыней реликвии других святых, как правило, наделяются целительной силой.

Интерес Добрыни к врачам-бессребреникам был обусловлен не только практикой врачевания в Хутынском монастыре, но и развитым культом святых целителей на Руси. Лечебные занятия были необходимым условием Студийского устава, следуя которому Феодосий Печерский построил в своей обители древнейший на Руси госпиталь и странноприимный дом с церковью Первомученика Стефана, где находили приют нищие и слепые, хромые и «трудоващие» и куда игумен отдавал десятую часть своего имущества⁵³.

В Новгороде святые целители пользовались особым почитанием. Их культ был принят здесь уже в конце XI — начале XII в. О его широком распространении свидетельствуют посвящения храмов, изображения врачей на фресках, иконах и произведениях декоративно-прикладного искусства. В родовом гнезде Мономаховичей на Городище была церковь Космы и Дамиана, сгоревшая в 1386 г.⁵⁴ В Неревском конце находилось две церкви Космы и Дамиана на Холопье и Кузьмодемьянской улицах. Важнейшим памятником почитания целителей является серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел», на котором изображены святые врачи, покровители княжеской семьи. Есть основание полагать, что оклад

⁴⁸ Голубцов А. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899. С. 82; Православная богословская энциклопедия или богословский энциклопедический словарь. Пг., 1904. Т. V. Стб. 768.

⁴⁹ ПЛДР: XI — начало XII века. М., 1978. С. 362.

⁵⁰ РНБ. Соф. 268. Л. 64 об. — 66 об.

⁵¹ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 65, 91—92.

⁵² По свидетельству П. Савваитова, Стефан Новгородец, дьяк Александр и Византий указывают местоположение церкви Космы и Дамиана вне града, на поле, близ Влахернского храма, на южном берегу Золотого рога: Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 110, 144. Примеч. 106.

⁵³ ПЛДР: XI — начало XII века. С. 362.

⁵⁴ ПСРА. Т. IV. С. 346.

был вложен князем Ростиславом Мстиславичем в Софийский собор в 1158 г., когда Мономаховичи возвратились в Новгород, а старший из них, Ростислав, занял киевский престол⁵⁵. Известно, каким почитанием в роду старших Мономаховичей пользовался мученик Пантелеймон, святое имя которого было даровано сыну Изяславу, основавшему в Новгороде Пантелеймонов монастырь⁵⁶. От круглой иконы святителя Николы получил исцеление князь Мстислав Владимирович⁵⁷. В корреляции образов проявлялась избранная роль врачей в местном пантеоне, в создании которого отразилась воля и участие новгородских Мономаховичей, воспринятая основателями монастырей, среди которых важнейшая роль принадлежит Варлааму Хутыньскому.

Вместе с тем в особом почитании святых врачей в Новгороде нет сверхнормативных постановлений. Истоки проблемы глубоки и обращены к временам возникновения первых христианских общин и евангельских текстов, в которых мысль об очищении от греха и заблуждений вела к духовному обновлению, исцелению человека, входившего в вечную жизнь со Христом. В этом, может быть, состоит отличие целительной по преимуществу христианской религии, в которой идея духовного врачевания имела определяющее значение, ибо сам Христос и его ученики выступали первыми целителями человеческого духа. Деятельность святых врачей, возвращавших зрение слепым, речь онемевшим, разум бесноватым, заставлявших двигаться парализованных, сравнивалась с чудесами и исцелениями Христа, знаменовавшими победу света над тьмой, жизни над смертью и в конечном итоге торжество истинной веры.

Возвышенный княжеской семьей культ христианских врачей занял избранное место и в духовной жизни Новгорода. Включение в XII–XIII в. «лечцов» в сферу церковной юрисдикции устанавливает их связь с религиозным культом и церковной практикой. По дозорной книге 1586 г. в Новгороде на Легощей улице, где находилась церковь целителей Флора и Лавра, жили лекари⁵⁸, юридически зависимые от владыки. К той же группе церковных людей относились и паломники, калики, приносившие из далеких путешествий ампулы с маслом, кресты-энколпионы с частицами мощей, образки и прочие предметы «locus sancta», передававшие людям живительную силу святых реликвий. Сами священники нередко были врачами, продолжая деятельность евангелиста, врача Луки, святых Космы и Дамиана и Пантелеймона. В начале XIII в. ряд святых врачей в русском месяцеслове пополнил византийский целитель Зотик.

В Книге Паломник раскрывается еще одна тема, имевшая для ее автора особое значение. Речь идет о художественных ценностях, к которым новгородский паломник проявлял самое пристальное внимание. Царьградские иконы и мозаики занимали Добрыню не только как памятники чудесных свершений, но и как произведения искусства, удивлявшие мастерством и необычной техникой исполнения. Здесь он проявлял осведомленность человека, обладавшего собственным опытом в живописном искусстве. Его поразили художник Павел, писавший при нем икону Христа, растирая краски «со драгим камением и со жемчугом»⁵⁹. Он видел стоявшего на лесах («древах») патриарха (Иоанна X Каматира, 1198–1206), «чинившего» икону Спаса. Описывая знаменитую мозаику с изображением императора Льва Мудрого, он отмечает чудное сияние камня в его венце, который «светит в ночи, яко огонь, яко луна»⁶⁰.

В великом алтаре Добрыня видел Богородицу с Младенцем Христом, фланкируемую двумя архангелами. По его словам, художником, выполнившим эту мозаику, был Лазарь (в миру Лев)⁶¹.

⁵⁵ Гордиенко Э. А., Трифонова А. Н. Каталог серебряных окладов Новгородского музея-заповедника // Музей. М., 1986. Вып. 6; Гордиенко Э. А. Серебряный оклад иконы «Апостолы Петр и Павел» и особенности новгородской литургии в XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1993. Т. 23. С. 161.

⁵⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 50, 247; Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 60–79; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. // Археология СССР: Свод археологических источников. Л., 1982. Вып. Е1-47. С. 72–73.

⁵⁷ Гордиенко Э. А. Иконы Николы на круглой доске // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2006. Вып. 1 (23). С. 23–31.

⁵⁸ Новгород Великий во второй половине XVI в.: Сборник документов. Составитель К. В. Баранов. М., 2001. С. 101, 103, 105.

⁵⁹ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 91–92.

⁶⁰ Там же. Стб. 78–79.

⁶¹ Там же. Стб. 174–175. Примеч. 268.

Откуда Добрыня узнал имя живописца, остается только догадываться, но все современные исследователи ссылаются на свидетельство новгородского паломника как на первоисточник.

Роскошная композиция в Софийском соборе, за исключением архангела Михаила на южном склоне вимы, сохранилась. В. Н. Лазарев видел в этих дивных мозаиках «первоклассный столичный памятник, примыкающий к тем эллинистическим традициям, которые никогда не умирали на константинопольской почве»⁶².

Биографию художника Лазаря восстановил К. Манго. Иконописец жил в царствование императора иконоборца Феофила (829–842), который приказал выжечь мастеру ладони и заключить его в темницу. После освобождения и установления иконопочитания Лазарь написал образ Иоанна Предтечи для его храма и образ Христа во дворце Халки. После 843 г. мастер получил широкое признание, а в 855 г. император Михаил III отправил его послом к папе Бенедиктину III. Основываясь на дате смерти Лазаря (865), К. Манго сомневается в его авторстве софийской мозаики. Между тем А. Грабар не исключал такой возможности⁶³, но, по мнению большинства исследователей византийской живописи, алтарные мозаики в Софии появились после собора 867 г.⁶⁴

Так или иначе, но память иконописца, служившего «при царстве нечестивых иконоборцев», внесена в Софийский Пролог⁶⁵. И этот факт служит убедительным свидетельством участия архиепископа Антония в его составлении. Позднее имя Лазаря было включено в Пролог архиепископа Моисея 1356 г.⁶⁶ и осталось в русском месяцеслове.

Тема иконопочитания в Книге Паломник и Прологе запечатлена и памятью Стефана Нового со святыми, что вместе с ним «за иконы пострадали» при фанатичном иконоборце императоре Константине Ковалине (Копрониме) (741–775)⁶⁷. Добрыня, как ревностный иконопочитатель, знаток и любитель живописи, упоминает Стефана три раза. Первый раз указано место захоронения святого в монастыре Перивлетты. Второй раз упоминается дом Стефана у могилы мученика Авксентия (V в.) на «Черном уболе», неподалеку от церкви Воскресения, где свечи возжигаются «на Великий день». И, наконец, в рассказе о некоем Константине «жидовине», крестившемся и похороненном в церкви у монастыря Пантократора, Добрыня свидетельствует, что христианской вере тот был «научен» Стефаном Новым.

Причастность архиепископа Антония к составлению Софийского Пролога раскрывается и в чтениях XIII в. Эта вторая часть рукописи с поучительными словами и нравоучениями (Л. 161–242)⁶⁸ написана, по мнению А. А. Гиппиуса, пономарем Тимофеем в период архиепископов Спиридона (1229–1249) и Далмата (1250–1274)⁶⁹. Вместе с тем нельзя исключить, что источником сказания о Покрове Богородицы и видении святого Андрея и Епифания на 1 октября могли быть воспоминания или записи архиепископа Антония, остававшегося на кафедре до 1228 г.

Во второй части рукописи имеется сведение о Влахернском храме, в раке которого хранится риза Богородицы⁷⁰, внесенное, возможно, по воспоминаниям новгородского паломника. Здесь же находится и первое в русской письменности Сказание о Покрове Богородицы⁷¹. О нем, как о чуде во Влахернской базилике, когда на икону Богоматери Одигитрии «Дух Святой сходит», русским людям поведал Добрыня⁷².

⁶² Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1986. Т. I. С. 71; Т. II. Таб. 121–124.

⁶³ Mango C. Documentary Evidence on the Apse Mosaics of St. Sophia // *Byzantinische Zeitschrift*. 1954 Bd. 47. № 2. S. 395–402; Mango C. The Branzen Hause: A Study of the Vestibule of the Imperial Palace of Constantinople. Copenhagen, 1959. P. 125–126; Mango C. Materials for the Study of the Mosaics of St. Sophia at Istanbul. Washington, 1962. P. 49–58. Tabl. 62. Diagram III–IV; Grabar A. L'Iconoclasme byzantin // *Dossier archéologique*. Paris, 1957. P. 185, 189–192.

⁶⁴ Лазарев В. Н. История византийской живописи. Т. I. С. 71–72, 216.

⁶⁵ РНБ. Соф. 1324. Л. 62.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 381. Ед. хр. 163. Л. 72 об.

⁶⁷ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 127, 148–151. Примеч. 194; Стб. 171. Примеч. 211, 256; РНБ. Соф. 1324. Л. 73–73 об.

⁶⁸ Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древней русской письменности. I–III: К истории древнерусского Пролога. С. 19.

⁶⁹ Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 8–11.

⁷⁰ РНБ. Соф. 1324. Л. 104 об.

⁷¹ Там же. Л. 189 об.–190 об.

⁷² Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 105–106. Примеч. 93, 94.

Между тем культ Покрова Богородицы знали в Новгороде и ранее. Принято связывать его с церковью Богородицы в Зверине монастыре, сгоревшей в 1148 г., возобновленной в 1300 г.⁷³ и вновь отстроенной в 1335 г. велением архиепископа Василия⁷⁴. В 1399 г. архиепископ Иоанн поставил каменный храм, и только тогда церковь была названа Покровской⁷⁵. Эти сведения не исключают, что уже в самом начале своего существования храм был посвящен Покрову Богоматери.

В данном случае важен рассказ Добрыни о чуде, совершившемся над иконой во Влахернском храме. Важно также и то, что чудо сошествия Святого Духа на икону Богородицы он наблюдал дважды. Второй раз оно произошло в Софийском соборе, рядом с тем местом, где поставляли на царство императора. Здесь, как говорит Добрыня, Богородица молилась «Сыну своему и Богу нашему за род христианский», что видел «святыи поп в нощи, страж нощный»⁷⁶. На аналогию этого моления с Влахернским чудом обратил внимание Д. В. Айналов⁷⁷. Впоследствии оба явления послужили причиной возникновения двух типов иконографии Покрова Богородицы. Но это уже особая тема, выходящая за рамки настоящей статьи.

Сравнение Книги Паломник и Софийского Пролога может быть продолжено, но уже приведенные сведения дают основание, вслед за Н. П. Кондаковым⁷⁸, видеть в сочинении Добрыни (архиепископа Антония) «драгоценную опись», дающую «верную нить» к изучению богослужения в новгородской церкви.

⁷³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 28, 91, 214.

⁷⁴ Там же. С. 346–347.

⁷⁵ Там же. С. 394.

⁷⁶ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия с предисловием и примечаниями. Стб. 89.

⁷⁷ Айналов Д. В. Два примечания к тексту Антония Новгородского // Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1912. С. 181–184.

⁷⁸ Кондаков Н. П. Византийские церкви Константинополя. Одесса, 1886. С. 73–120.

А. М. Камчатнов (Москва)

О СИМВОЛИЧЕСКОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА

История форм двойственного числа в живом русском языке изучена достаточно полно¹, однако *литературное* употребление этих форм в книжном славянском языке XIV–XVII в. еще требует дополнительных исследований. В частности, весьма специфичным образом формы дуалиса употреблены в Житии святого Александра Свирского, что и будет предметом рассмотрения в данной работе.

Житие св. Александра Свирского, основателя Александро-Свирского Спасско-Троицкого монастыря, было создано игуменом этого монастыря Иродионом, учеником преподобного, в 1545 г. Оно было «списано» «повелением господина преосвященного Макария, митрополита всея России», и старший список его находится в составе Великих Миней Четых митр. Макария (ГИМ. ВМЧ. Август 30).

Одним из ключевых эпизодов Жития, несомненно, было явление преподобному Александру Святой Троицы; он был вторым за всю историю человечества, кому явилась Троица, — первым, как известно, был ветхозаветный Авраам. И вот весьма любопытна та форма, в которой рассказывается об этом чудесном событии, в Успенском списке ВМЧ (ГИМ. Син. № 997):

Л. 1154 в

Въ единому же оубо ношь прпно
мочъ вѣдѣцѣ и молѣщуща бо
гочъ . и в незадѣочъ свѣтъ въ

сѣа велѣи въ храмѣ блжнаго
и начатъ препѣбный дивити
сѣа . и не оубѣдѣ бывшаго и в се

¹ Из новейших работ см.: Жолобов О. Ф. Древнерусское двойственное число в общеславянском контексте. Казань, 1997. Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Двойственное число. М., 2001.

